

**М. Баряктарович**

## **К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ**

(НА МАТЕРИАЛАХ ЮГОСЛАВИИ)

1

Обычно считают, что этническое самосознание — устойчивое и постоянное свойство людей. Это возможно, но не обязательно. Многие факторы определяют постоянство или изменчивость (в определенных хронологических рамках) национальной принадлежности. Случается, что у отдельных лиц или даже небольших групп представление о ней меняется на протяжении жизни одного поколения. Это бывает в особенности тогда, когда принадлежность к другой этнической группе не только рекомендуется, но и навязывается силой, т. е. происходит насильственная ассимиляция. Впрочем, смена этнического самосознания на протяжении одного поколения нередко наблюдается и при естественной ассимиляции.

Ассимиляция отдельных лиц или целых групп другими этническими группами была везде и всегда<sup>1</sup>. В частности, эти процессы имели место и на Балканском полуострове. Так, например, невозможно даже приблизительно указать, сколько коренного романского населения, а также авар, венецианцев, саксонцев, цыган и других пришлых этнических групп было славянизировано на территории Югославии. Об этом сейчас кое-где напоминает только топонимика<sup>2</sup>. Точно так же невозможно установить, сколько отдельных лиц или групп из числа югославских народов вошло в состав других народов, таких как венгры, турки, немцы, итальянцы и т. д. Так, в Венгрии как воспоминание о давних переселенцах кое-где сохранились названия поселений или улиц: часть города Печа и сейчас называется Рац-варош (ранее в Венгрии серба-рашанина называли рац)<sup>3</sup>. В Турции, особенно около Брусе, в начале XX в. были села, основанные мусульманами-переселенцами из Боснии. Некоторые из них назывались Боснакей (Босанско село)<sup>4</sup>. Потомки этих боснийцев уже осознают себя турками. То же самое происходит и с мусульманами, переселившимися в Турцию из Югославии (особенно из Македонии) после второй мировой войны.

Изменение национального самосознания — процесс, присущий не только отдаленному прошлому. Он постоянно идет и в наше время как в Югославии, так и в других странах. Для иллюстрации приведем два примера из относительно недавнего прошлого Югославии.

<sup>1</sup> Разумеется, бывали и противоположные случаи, когда из одной этнической группы со временем выделялись новые группы. В определенных условиях и на определенной основе крупная общность иногда делилась на несколько этнических групп (этносов). Но исследование этих явлений выходит за рамки данной статьи.

<sup>2</sup> П. Скок, Топономастика Војводине, «Војводина I», Нови Сад, 1939, стр. 108; К. Жиречек, Историја Срба, II, Београд, 1923, стр. 109.

<sup>3</sup> Ј. Цвијић, Балканско полуостров и јужнословенске земље, I, Загреб, 1922, стр. 333—334.

<sup>4</sup> Ј. Цвијић, Говори и чланци, I, Београд, 1921, стр. 256.

В первой половине XVIII в. на север Югославии, наряду с сербами из Старой Сербии, от турок бежало и около 500 семей албанцев-католиков из племени (по албански *фис*) Климента \*. Все эти албанцы после ряда перемещений в 1755 г. окончательно поселились в Среме (села Никинци и Хртковци), где в 1840 г. их было около 1600 чел.<sup>5</sup> Оказавшись достаточно далеко от своего первоначального места жительства, в славянском окружении с чужим для них языком и традициями (с местным населением их сближала только совместная борьба против турок, а с хорватами — еще и религия), эти албанцы были славянизированы, вернее хорватизированы и об их происхождении сохранилось только предание.

В начале XIX в. группа цинцаров (влахов) переселилась в Метохию, в основном в Призрен, где образовалась компактная, экономически сильная колония, насчитывавшая 140 семей<sup>6</sup>. Обособленные от своих соплеменников, призренские цинцары к настоящему времени окончательно славянизировались, точнее сербизировались. Сейчас здесь ни в одном доме, даже среди стариков, больше не услышишь цинцарского языка.

Эти два примера свидетельствуют о том, что малочисленные группы, когда они оказываются в иной этнической среде, относительно быстро ассимилируются ею. Однако так бывает не всегда. В Югославии есть отдельные группы, которые на протяжении столетий сохраняют свое национальное самосознание, находясь в иной этнической среде. Этому могут способствовать различные факторы, например биологическая или экономическая изоляция от окружающего населения. Так, в 1657 г. пятнадцать семей черногорцев, поселившись в Перое (село в Истрии, недалеко от г. Пулы), оказались среди истрийских славян и частично итальянцев (и те и другие были католиками) в совершенно чуждой им среде (по языку, религии и культуре). В прошлом, особенно в период абсолютистской власти в Италии, их неоднократно пытались ассимилировать. У перойцев не было школы на родном языке. Но они все же сохранили свой язык (хотя и с примесью итальянского), православие, предания о своем происхождении, народные песни. Их стремление сохраниться как особая группа удалось, хотя и ценой сокращения численности, так как в браки (их заключали главным образом внутри своей группы) часто вступали кровные родственники<sup>7</sup>. Сравнивая этот пример с двумя приведенными выше сразу же возникает вопрос, как это произошло. Разве у черногорцев устойчивее представление о своем происхождении и этнической принадлежности, чем у албанцев? Как известно, и черногорцы, особенно те, которые поселялись в Сербии, довольно быстро ассимилировались окружающим населением, что облегчалось рядом обстоятельств: общностью языка, исторических традиций и религии. При этом отдельные элементы культуры ассимилированного населения заимствовались местным населением.

Решающим фактором сохранения перойцами своего национального самосознания было, очевидно, то, что с самого начала, еще 300 лет тому назад, они отождествляли национальную и религиозную принадлежность. Если бы черногорцы в Перое приняли католическую веру, они бы довольно быстро исчезли как особая группа, как это и случилось с отдель-

\* *Примечание редакции:* автор употребляет термин «племя» не в значении первобытнообщинного института, а того более позднего кровнородственного объединения, пережитки которого сохраняются и поныне.

<sup>5</sup> Д. Поповић, Срби у Војводини, т. II, Нови Сад, 1959, стр. 49, 53; т. III, Нови Сад, 1963, стр. 190.

<sup>6</sup> П. Костић, Цинцарска насеобина у Призрену и црква с. Спаса, «Браство», XIX, Београд, 1925, стр. 294, 297, 301.

<sup>7</sup> М. Барјактаровић, Проблем изолације и прилагођивања становништва на примеру трију група одсељених Црногораца, «Етнолошки преглед», 6—7, Београд, 1965, стр. 16; его же, Перој и његови становници, «Гласник Етнографског музеја на Цетињу», Цетиње, 1961.

ными переселенцами разных национальностей, в том числе и с черногорцами, поселявшимися в Истрии<sup>8</sup>.

Другой пример стойкого сохранения своего национального самосознания в иной этнической среде дают нам цыгане, которые переселились в Югославию еще в средние века. Они на протяжении столетий сохраняют свою этническую специфику (только небольшое число цыган было ассимилировано окружающим населением).

Образ жизни, хозяйство, физический тип, язык цыган — все было отличным от окружающего населения. Местные жители не везде и не всегда охотно принимали их в свою среду, и если некоторые цыгане хотели где-то осесть, им приходилось селиться во временных жилищах, устраиваемых за околлицей. Приходя в селения коренных жителей, цыгане-мужчины чинили металлическую посуду, ковали лошадей, развлекали людей музыкой и дрессированными животными, а женщины гадали или попрошайничали. В религиозном отношении цыгане были свободны и либеральны: они обычно принимали религию той среды, в которой надолго оседали. Они выучивали и язык окружающего этноса. Будучи беднейшим слоем населения, не владеющим недвижимостью, они вынуждены были заниматься теми делами, которые в окружающей их среде были непопулярны или к которым относились даже с презрением. Местное население не хотело вступать с цыганами в родственные связи. Все это способствовало тому, что цыгане долго сохраняли свой особый антропологический тип. Так со временем они образовали изолированные деклассированные группы. Т. Джорджевич утверждал, что цыгане довольно быстро приспособлялись к экономике того окружения, в котором они жили, но что они сохранились как особый элемент главным образом благодаря своему особому способу ведения хозяйства<sup>9</sup>. В другом месте он определеннее указал, что когда в некоторых местах цыгане перестали заниматься кузнечным ремеслом, они начали утрачивать свою этническую специфику, т. е. ассимилироваться<sup>10</sup>. Н. Павкович, сообщая о каравлах в Боснии, подтвердил, что там эта группа сохранилась благодаря их традиционному ремеслу — изготовлению деревянной посуды. Он подчеркивает, что это ремесло поставило их в особое положение по отношению к другим, даже цыганским группам, так как наложило отпечаток на их образ жизни (соответствующие поселения, определенные черты культуры)<sup>11</sup>.

Как видим, одни группы относительно быстро сливались с окружающим населением, другие сохранялись долго.

Когда речь идет об изолированной этнической группе, живущей на территории другого этноса, а тем более когда существует и географическая изоляция, тогда встает общий вопрос о дальнейшей судьбе этой группы. Бывает, что этнос не прилагает усилий для ассимиляции другого этноса, который оказался на его территории, например, не заключаются смешанные браки. Тогда этот чуждый элемент вынужден ограничивать брачные связи в пределах своей группы. Этот фактор обеспечивает сохранение или даже углубление антропологических и общественно-экономических различий, а также традиционного образа жизни. Следовательно, эндогамия способствует сохранению этнических групп<sup>12</sup>. Если же чуждый элемент с самого начала сам не хочет ассимилироваться с той средой, в которой он оказался, он находит выход из положения — пытается сохранить свои культурные особенности, развить их, а

<sup>8</sup> Г. Станојевић, Насељавање Истре у XVI в. с освртом на насељавање из Црне Горе и Црногорског Приморја, «Записи», XXII, св. 3, Титоград, 1966, стр. 429—466.

<sup>9</sup> Т. Ђорђевић, Економијн и социјални типови у Срба, «Годишњица Н. Чупића», књ. 31, Београд, 1912, стр. 44—45, 48.

<sup>10</sup> Т. Ђорђевић, Наш народни живот, VII, Београд, 1933, стр. 8—10.

<sup>11</sup> Н. Павковић, Каравласи и њихово традиционално занимање, «Чланци и грађа за културну историју источне Босне», I, Тузла, 1957, стр. 104, 106.

<sup>12</sup> Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, «Сов. этнография», 1969, № 6, стр. 88, 91.

по возможности и навязать их окружающему населению. В таких случаях люди из этой изолированной группы часто обращаются к своему прошлому. Во всяком случае это благоприятное обстоятельство для формирования отдельных этнических групп.

## 2

Остановимся на вопросах, составляющих суть проблемы: при каких условиях одни группы ассимилируются, а другим удается (или их вынуждают) сохраниться в чуждой этнической среде.

Необходимо отметить, что не существует общих рецептов для объяснения явлений: каждый конкретный случай хоть в чем-нибудь своеобразен<sup>13</sup>. Поэтому при исследовании этой проблемы не нужно искать проторенных путей, единых норм и закономерностей. В одних случаях ассимиляция и нужное для нее время зависят от уровня культуры ассимилирующих и ассимилируемых групп, в других — от их численности, мощи, от различных интересов, наконец, от степени сходства или различия традиционных форм жизни, языка и культуры. Психологически понятно, что униженные и угнетенные группы стремятся вырваться из этого состояния, и одним из путей является ассимиляция, которая сравняла бы их с представителями другой группы.

Возвратимся к приведенным выше примерам и попытаемся объяснить их с этих позиций.

Первый пример — славянизация албанцев, переселившихся в Срем. Условия жизни в Среме отличались от условий жизни в их прежнем месте жительства — в Проклетии. Здесь они должны были оставить свои прежние занятия (катунное скотоводство) и перейти к земледелию. Эти албанцы были не только отдалены, но и отделены государственными границами от своей этнической группы с присущим ей образом жизни. Сремские албанцы принуждены были вступать в родственные связи с местным славянским населением, прежде всего с католиками-хорватами, так как по законам племени, которых они придерживались и здесь, эндогамия была запрещена<sup>14</sup>. А межэтнические браки ускоряют и все другие процессы межэтнического слияния. Возможно, относительно быстрая славянизация сремских албанцев была облегчена и тем, что в племени Климента издавна существовало предание, что их далекие предки были сербами<sup>15</sup>. То, что члены племени Климента, жившие в Среме, за полтора столетия стали считать себя хорватами, а не сербами, определило их общее с хорватами вероисповедание. Кроме того, в Австро-Венгрии католицизм был государственной религией, подобно тому как в Турции ею был ислам.

С местным населением прежде всего начали сливаться те из албанцев, которые лучше других приспосабливались к новой экономике, культуре и языку, а позднее и те, кто вступал в национально-смешанные браки с местным населением.

Второй пример — славянизация цинцаров в Призрене, куда они переселились из южной Албании и частично из Македонии. Здесь цинцары, исповедующие христианство и в большинстве своем люди зажиточные, нашли мирную жизнь и убежище. Быстро приспособившись к местной

<sup>13</sup> П. И. Пучков, *Население Океании*, Этногеографический обзор, М., 1967, стр. 42.

<sup>14</sup> Прежде албанцы никогда не заключали браки внутри своего племени. Члены самого крупного албанского племени Мирдита не заключали браков с членами племени шалья и шоши, так как, по преданию, основоположниками этих племен были три брата (А. Јовићевић, Малесија, «Српски етнографски зборник», књ. 27, Београд, 1923, стр. 132).

<sup>15</sup> A. Theiner, *Vebera monumenta Slavorum Meridionalium historiam illustrantia*, II, Zagrabie, 1875, s. 217; H. Esquard, *Histoire de la Haute-Albanie*, Paris, 1959, p. 178—180; М. Велимировић, На Комовима, «Братство», V, Београд, p. 178—180; М. Велимировић, На Комовима, «Братство», V, Београд, 1892, стр. 24; А. Јовићевић. Указ. раб., стр. 61, 64, 77.

обстановке, они сразу же начали кичиться своими связями с Грецией и знанием греческого языка, на котором у них велось богослужение. Следовательно, частично они уже были эллинизированы. Несмотря на это, за полтора века призренские цинцары совершенно были ассимилированы сербами, с которыми их связывала не только общая религия, но и общий противник — турки и местные мусульмане.

По происхождению и по нормам обычного права цинцары были ближе к албанцам, и можно было бы ожидать, что они скорее сольются с ними, нежели с сербами. Но местные албанцы были в большинстве мусульманами, и в ту эпоху, когда понятия национальной и религиозной принадлежности нередко отождествлялись, сербы-христиане были цинцарам ближе. Ассимиляции способствовало и то, что часть призренских сербов, подобно цинцарам, занимались торговлей и ремеслом. Естественно, что слияние с местным населением (сербизация) было для них наиболее безболезненным. К тому же этот процесс происходил главным образом после Балканских войн, когда сербы выступили здесь в роли освободителей от турецкого владычества и когда цинцары уже были подготовлены к ассимиляции.

На основании этих примеров, а также фактов, относящихся к появлению в Турции особой группы так называемых «османлиев», которая сформировалась из мусульман, переселившихся из Боснии, можно прийти к выводу, что в прошлом отождествление этнической (национальной) и религиозной принадлежности нередко способствовало тому, что отдельные люди или небольшие группы благодаря общей религии без особых трудностей меняли свое этническое самосознание. Понятно, что действовали и другие факторы, но основным и решающим было отождествление национальной и религиозной, в чем проявлялось прежде всего элементарное незнание исторического прошлого своего народа. Впрочем, и сейчас, когда спрашиваешь старого неграмотного албанца из Метохии о его национальности, он отвечает: «Я албанец (*арбанас*), но я турок (*турчин*)»<sup>16</sup>. Называя себя «турчином» он хочет подчеркнуть, что исповедует ислам. В этом смысле понятие «турчин» для него определеннее и значительнее, нежели «албанец». Термины «арбанас» или «шиптар» он усвоил в недавнее время. М. Милянов указывает, что в албанском племени Груда католики празднуют семейный праздник Славу в Господжин дан (день богородицы), а мусульмане — в Юрьев день<sup>17</sup>. Примеры отождествления национальной и религиозной принадлежности можно найти и в сочинениях Вука Караджича<sup>18</sup>.

Приведем еще один случай определения своей национальности жителями селения Янево, расположенного в 20 км от Приштины. Уже в средние века здесь жили саксонцы (*сасы*) и дубровчане. В прошлом жители этого села обычно называли себя «латини»; так их называли и другие<sup>19</sup>. И. Цвиич считал, что «латинами» их прежде всего называли православные, так же как они православных называли «влахами»<sup>20</sup>. А. Урошевич в 1935 г. констатировал, что у многих яневцев вообще нет понятия о национальной принадлежности<sup>21</sup>. Они говорят на косовском диалекте, как и сербы этой области, но называют его «яневским»<sup>22</sup>. Как

<sup>16</sup> М. Баряктарович, Традиционные социальные коллективы и этническое самосознание в Косово и Метохии, «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 103.

<sup>17</sup> М. Милянов, Сабрана дједа, II, Титоград, 1967, стр. 72.

<sup>18</sup> В. Караџић, Рјечник српског језика, Београд, 1935.

<sup>19</sup> Б. Нушић, Косово-опис земље и народа, Београд, 1902, стр. 53; А. Урошевић, Јањево — антропогеографска испитивања, «Гласник Скопског научног друштва», XIV, Скопље, 1935, стр. 199; К. Костић, Наши нови градови на југу, Београд, 1922, стр. 133.

<sup>20</sup> Ј. Цвијич, Основе за географију и геологију, III, Београд, 1911, стр. 1272.

<sup>21</sup> А. Урошевић, Указ. раб., стр. 199.

<sup>22</sup> Г. Елезовић, Извештај са дијалектолошких путовања од Вучитрна до Пећи, «Српски дијалектолошки зборник», II, Београд, 1911, стр. 471; А. Урошевић, Указ. раб., стр. 199.

и сербы, они празднуют семейный праздник — Славу; яневские женщины одеваются как сербки в Призрене<sup>23</sup>. И несмотря на все это, жители Янево, за исключением небольшого числа турок, албанцев и цыган, сейчас считают себя хорватами. В чем причина этого? В экономическом отношении Янево, действительно, стояло особняком: здесь издавна, еще со средневековья, занимались горным делом, а вокруг не было поселений того же экономического профиля; кроме того, яневцы (в отличие от соседей — православных сербов или мусульман — албанцев, турок и цыган) — католики. В данном случае действуют оба фактора — и экономический, и религиозный, в результате чего национальное самосознание другое, чем у их соседей. Правда, среди некоторых яневских «родов» сохранилось предание, что их предки — выходцы из Дубровника. Но и здесь принадлежность к католической церкви оказалась решающим фактором, и они объявили себя хорватами.

Это положение об утере своего национального самосознания небольшими группами населения при переходе в иную религию можно проиллюстрировать еще на одном примере: славянское население Горы (края, объединяющего около 30 сел недалеко от Призрена) окончательно перешло в ислам в начале прошлого века. Это было вынужденно, так как мусульмане в Турции обладали определенными привилегиями<sup>24</sup>. Но горане сохранили свой славянский язык, который они называют «нашки» или «горански»<sup>25</sup>. Вместе с тем, по переписи 1953 г. большинство этих исламизированных славян объявило себя турками<sup>26</sup>, хотя они, кроме религии, не имеют ничего общего с последними.

При переходе в новую веру, особенно веру завоевателей, как это было в Югославии во время господства турок, случалось, что новообращенные, пытаясь доказать, что они достойны новой религии и положения, вступали в противоречия с теми, кто и дальше сохранял свою старую веру<sup>27</sup>. Не без основания говорили, что «потурченец хуже турка». Принятие новой религии нередко вносило немало путаницы в определение национальности. Так, в небольшой группе торбешей — исламизированных македонцев — по последним переписям населения было зафиксировано пять определений национальности — македонцы, «югославени», «неопределившиеся», турки, албанцы.

При анализе случаев с горанами и торбешами встает вопрос о том, как понимать термины «этнический» и «национальный», можно ли их поставить в один ряд, или эти два термина имеют различное содержание. Так, например, торбеши Кичевской котловины, мусульмане, говорящие на македонском языке, большинство которых называет себя турками и уже в течение нескольких десятилетий (еще со времени Балканских войн) переселяются в Турцию<sup>28</sup>. Какова их национальность? Точно так же обстоит дело и с горанами. Не можем ли мы, говоря об этих двух группах населения, сказать, что этнически (по своему происхождению и по языку) они — славяне, но по национальности они стали турками. Но действительно ли они турки по национальности? Ведь они не знают турецкого языка и живут не в Турции, а в Югославии. Тридцать пять лет назад, исследуя горнореканскую этническую группу (население верхнего течения реки Радике в Македонии), Д. Неделькович отме-

<sup>23</sup> Б. Нушић, Указ. раб., стр. 54.

<sup>24</sup> Л. Ранке, Српска револуција, Београд, 1965, стр. 153; С. Марковић, Србија на истоку, Београд, 1946, стр. 12. Когда на горан продолжались нападения соседей-мусульман и после принятия ими ислама, они говорили: «зря веру меняли» (С. Вукосављевић, Писма са села, Београд, 1962, стр. 213).

<sup>25</sup> М. Лутовац, Гора и Ополе, «Насеља и порекло становништва», 35, Београд, 1955, стр. 268, 282.

<sup>26</sup> «Попис становништва 1953», књ. IX, Београд, 1960, стр. 460.

<sup>27</sup> Ј. Цвијић, Говори и чланци, стр. 261.

<sup>28</sup> Ј. Трифуноски, Торбеши Кичевске Котлине, «Етнолошки преглед», 8—9, Београд, 1969, стр. 75—78.

тил, что члены этой группы, занимающиеся отхожими промыслами, чтобы защитить себя от привилегированных албанцев-мусульман, относительно быстро и легко перешли на албанский язык, сохранив при этом христианскую религию и свои обычаи. Их соседи торбеши, менее подвижные и более подверженные влияниям, перешли в ислам, сохранив при этом свой язык. Каждая из этих двух групп оказала пассивное сопротивление угрожавшей ей этнической ассимиляции в той мере, в какой позволяла их этнопсихологическая структура<sup>29</sup>.

Упомянем и об украинизации сербов-граничар, переселившихся в Россию около двухсот лет тому назад. Отслужив военную службу (некоторые из них дослужились до высоких чинов), они получали довольно большие имения, а иногда и дворянство. Разумеется, переселявшиеся считали себя сербами, но уже первое поколение их было украинизировано. Ассимиляции этих сербов способствовало несколько обстоятельств — постоянный приток украинцев в те области, где они поселились, общая религия и сходство языка<sup>30</sup>.

Естественно, что военнотруженики, срок службы которых длился долго, скорее приспособлялись к новой среде, воспринимали язык и манеру поведения. Второй слой, который также быстро начал украинизироваться, составляли торговцы и ремесленники. Особенно быстро этот процесс шел среди тех, кто вступал в браки с украинками. Кроме того, действовал еще один психологический фактор, ускоряющий процесс украинизации — это большая удаленность от своего прежнего местожительства.

### 3

Существенным признаком при определении национальности является язык, хотя иногда он только внешний, как бы побочный элемент, который не должен учитываться при изучении национального (этнического) самоопределения. Мы уже упоминали группу горан — «турок» со славянским языком. Многочисленные группы евреев и цыган, разбросанные по всему миру, часто не знают еврейского или цыганского языка. Правда, когда какая-либо группа принимает другую религию, сохраняя свой язык, она, как правило, называет его каким-либо местным термином, нейтральным в этническом и национальном отношении. Мусульмане Боснии и Герцеговины свой язык (сербо-хорватский) в прошлом всегда называли «бошнячким», горани и сейчас называют свой язык «горанским», яневцы — «яневским» или еще проще — «нашким» (нашим).

В конце прошлого века из Румынии в Апатин (Воеводина) переселилась группа цыган. Сейчас их здесь насчитывается около 200 семей, считающих румынский язык своим родным. Здесь они по настоящий момент местного священника формально перешли из православия в католицизм. Эта группа называет себя цыганами (это видно и по их физическому типу), а по переписям они — румыны. В 1955 г. они просили вместо румынского языка в их 4-х классной основной школе ввести сербохорватский, что и было сделано. Обособлению этой группы способствовал и род их занятий (они изготовляли корыта); кроме того, они заключали браки только внутри своей группы. Следовательно, по статистическим данным в Апатине нет цыган, тогда как фактически здесь имеется большая компактная группа цыган-католиков с румынским родным языком, по языковому признаку объявивших себя румынами<sup>31</sup>.

В том, что цыгане просили ввести преподавание в школе на сербохорватском языке, ничего необычного нет. Такое же явление имело

<sup>29</sup> Д. Недельковић, Горњореканска етнопсихолошка група, «Гласник Скопског научног друштва», XIII, Скопље, 1934, стр. 85—86, 127.

<sup>30</sup> М. Костић, Српска насеља у Русији — Нова Србија и Славеносрбија, «Насеља и порекло становништва», 14, Београд, 1923, стр. 81, 92, 95, 96, 124, 130.

<sup>31</sup> М. Барјактаровић, Озапапатинских Цигана, «Рад Војвођанских музеја», 12—13, Нови Сад, 1964, стр. 191—204.

место и среди других народностей, например, у русин села Беркасово (Срем), где они составляют почти половину населения<sup>32</sup>. Болгары села Пресека (окрестности Беле Паланке), составляющие большинство его населения, намеренно посылают своих детей в отделение с преподаванием на сербохорватском языке, хотя в школе существует и отделение на болгарском. Такие случаи не единичны, и чаще всего это не имеет связи с этническим самосознанием и самоопределением. Просто они понимают, что язык той страны, в которой они живут, надежнее для дальнейшего трудоустройства.

Некоторые ученые, исследуя отдельные группы, иногда ориентируются на их языковую или диалектальную принадлежность. Так, например, словацкий историк Я. Сирацки выводит русинов Крстуры и Куцуры (Воеводина) из Восточной Словакии (из Прибишова, Сиша, Шариша); поэтому, — считает он, — они и говорят на восточнословацком диалекте и поют словацкие песни. Но, прибавляет он, они считают себя не словаками, а русинами, так как исповедуют греко-католическую религию<sup>33</sup>.

Особый случай имел место с группой поляков в селе Остойчево (Банат), которая в наше время быстро ассимилируется словаками. Со времени переселения (1846 г.)<sup>34</sup> поляки жили здесь рядом с немцами; и те и другие были евангелистами. Однако поляки стали сливаться не с немцами, а с немногочисленной группой словаков, поселившихся в этом селе с начала XX в.<sup>35</sup> Чтобы понять, что объединяло поляков со словаками, следует учесть, что поляки пришли сюда из западных областей Польши, из окрестностей Кракова<sup>36</sup>, соприкасающихся со Словакией, т. е. они были связаны со словаками не только евангелической религией, но и традиционной культурой и языком, что и было основными предпосылками этого процесса. Дальнейшая ассимиляция была следствием заключения смешанных браков (поляки женились на словачках). Наиболее активно процесс смешения со словаками шел во время второй мировой войны. Среди молодого послевоенного поколения, обучавшегося в словацких школах, этот процесс ускорился. Были и другие, менее заметные факторы денационализации поляков: так, если поляк женат на сербке, то в местной общине их дети записывались сербами<sup>37</sup>; здесь действовали причины, аналогичные упоминавшимся нами ранее в случаях с русинами (с. Беркасово) и болгарами (с. Пресека).

Ассимиляция идет гораздо быстрее там, где местное и пришлое население говорит на одном языке. Известно, что сербы в Далмации и Славонии, перейдя в католичество, довольно быстро объявляли себя хорватами, так же, как и словенцы, живущие в пограничных районах Хорватии, в Славонии<sup>38</sup>. Но есть и словенцы, которые по своему происхождению являются хорватами. Такие случаи бывали в пограничных районах, у населения которых языковые различия были незначительными. Иногда эти процессы протекали легко и безболезненно, иногда наблюдалось определенное взаимное непонимание, особенно там, где были религиозные различия.

Интересен случай с некоторыми группами цыган в Косово и Метохии, которые были цыганский и перешли на албанский язык. Но, будучи

<sup>32</sup> Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба, Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии, «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 65—66.

<sup>33</sup> J. Sirácky, Stáhovanie Slovákov na Dolinú Zem' v. 18—19 storočí, Bratislava, 1966, s. 174; его же, Словаки в Югославии, «Зборник за друштvene nauke», кн. 44 (Матица Српска), Нови Сад, 1966, стр. 14—15.

<sup>34</sup> J. Sirácky, Slovenski osídlenie vo Vojvodine (в кн. R. Bednarik, Slovaci v Juhoslavii, Bratislava, 1966, s. 45).

<sup>35</sup> J. Сирацки, Словаки в Югославии, стр. 19.

<sup>36</sup> J. Sirácky, Slovenski osídlenie... s. 45.

<sup>37</sup> Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба, Указ. раб., стр. 67.

<sup>38</sup> Р. Коларич, Племя Словенцы, «Годишњак филозофског факултета у Новом Саду», X, Нови Сад, 1867, стр. 227.

православными, они объявили себя сербами<sup>39</sup>. В последнее время, когда в этой части Югославии знание албанского языка значит больше, чем принадлежность к какой-либо религии, эти недавние сербы начинают объявлять себя албанцами. Следовательно, конкретные обстоятельства обуславливают и определяют и национальное самосознание людей.

Изменение национального самосознания у отдельных лиц или групп людей имело место не только в прошлом, но и в наши дни. Так, 30 семей русин-католиков (села Куцури, Бачка), как и их соседи-венгры, объявили себя венграми, хотя говорят на русинском языке<sup>40</sup>.

Словаки Купусини (Бачка) вследствие принадлежности к католицизму стали мадьяризироваться, сохранив при этом свои славянские имена<sup>41</sup>. Подобные процессы имели место и у словаков в Темерине и Тополи. В Новом Сланкамену (Срем) часть словаков, опять-таки вследствие общей религии, стала считать себя хорватами. У них родной язык еще словацкий, но все взрослые знают и сербохорватский.

Наряду с мадьяризацией русинов (в Куцуре) и словаков (в Купусини) группа венгров села Бингули (немногим более 20 хозяйств) славянизировалась. Они уже забыли венгерский язык и в результате общности религии и смешанных браков объявляют себя хорватами. В селе Джурджеве (Бачка) рассказывают о сербизации русинских семей, перешедших в православие. В последнее время в селе Господжинци (Срем) часть словаков объявляет себя сербами в связи с тем, что они стали сектантами-субботниками, и сербы — члены этой же секты — приняли их как «братьев». В селе Соту (Срем), где словаки были почти мадьяризованы, они стали в наше время ассимилироваться хорватами, и сейчас случается, что родные братья объявляют себя принадлежащими к различным национальностям: так из пяти братьев семьи Масарош два считают себя хорватами, один — словаком, один — венгром, один — немцем. Эту ситуацию можно как-то понять, если учесть, что их дед был мадьяризованный словак. В этом же селе живет серб из южной Сербии, женатый на словачке: их дети объявили себя хорватами. Такие случаи (и они не единичны) отмечены и в Сараеве — так, во время переписи 1948 г. в одной семье один брат назвал себя сербом, другой — хорватом, а их отец — «мусульманином неопределившимся». Там же отмечен и такой случай: муж — «мусульманин», жена — «югословенка неопределившаяся», их сын — черногорец (только потому, что ему вообще симпатичны черногорцы)<sup>42</sup>. Или врач из Призрена, по происхождению албанец, женатый на турчанке, также объявляет себя турком ради жены.

Понятно, что такие случаи могут иметь и имеют место в областях с этнически смешанным населением, где, вообще говоря, нет достаточной ясности с этническим самоопределением и где проявляется даже равнодушие к этим вопросам.

#### 4

Часть сербов из Ораховца и окрестных сел (Метохия), которая перешла в ислам в прошлом веке и при этом сохранила в качестве родного языка сербохорватский, считает себя албанцами, а не турками, как это

<sup>39</sup> А. Урошевић, Косово, «Насеља и порекло становништва», књ. 39, Београд, 1965, стр. 108, 109; его же, Липљан, «Гласник Етнографског Ин-та САН», II—III Београд, 1957, стр. 34; его же, Приштина, «Зборник радова Етнографског Ин-та САН», 2, Београд, 1951, стр. 20; М. Филиповић, Хас под Паштриком, Сарајево, 1958, стр. 50—52; М. Красићи, Сува Река, «Гласник Етнографског Ин-та САН», VIII, Београд, 1960, стр. 97.

<sup>40</sup> М. Васовић, Врбас и његова околина, Нови Сад, 1968, стр. 33.

<sup>41</sup> J. Sigácky, Slovenske osídlenie..., p. 34.

<sup>42</sup> Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба. Указ. раб., стр. 66.

было в вышеприведенном примере с горанами<sup>43</sup>. В данном случае на их новое национальное самоопределение оказали влияние их более многочисленные соседи-албанцы, с которыми теперь их связывала общая религия, а также общие черты в традиционной культуре и в образе жизни. Горане же жили компактно и, вопреки своим соседям-албанцам, стали тяготеть к туркам. Кроме того, в прошлом между албанцами и горанами были столкновения, вследствие которых последние были вынуждены заниматься отхожими промыслами<sup>44</sup>. Если бы албанцы Ораховца и окрестностей были католиками, местное исламизированное население, вероятно, сблизилось бы с турками, а не с ними.

## 5

Ранее мы упоминали о случаях, когда отдельные группы людей десятилетия, или даже столетия, жили на определенной территории в окружении иной этнической среды. В таких случаях следует учитывать целый ряд факторов, как например, число переселившихся, цели переселения (освобождение, завоевание, экономическое проникновение и т. д.). Если речь идет о стихийных миграциях или миграциях, связанных с экономическими факторами, процессы протекают, как правило, постепенно и спокойно. Если территория завоевывается или освобождается, то имеют место другие процессы. Вообще говоря, старожилами считаются те, кто уже приспособился к местной жизни. Переселенцы же должны привыкать к новому окружению, которое не всегда дружелюбно их встречает, дает им обидные прозвища, долго не вступает с ними в браки (Босния), приписывают им отрицательные качества и др.

Черногорцы в Перое сохранились, возможно, и потому, что не встретили хорошего приема со стороны местного населения. А албанцы в Среме, хотя и были гораздо ближе, чем перойцы, к месту своего прежнего жительства, ассимилировались довольно быстро, может быть, потому, что их здесь приняли неплохо.

В Черногории в Брдах в прошлом имели место обратные процессы. Бывало, что переселенцы оказывались сильнее и многочисленнее коренного населения, оттесняли его на второй план. Так, Симоновичи — старожилы племени Белопавличи — считались «вне племени и нечистыми» и с ними не вступали в родство<sup>45</sup>, также было и в племени Кучи — здесь старое население Банёвиче занималось кузнечным ремеслом, и остальные члены этого племени считали их низшим слоем и не заключали с ними браков<sup>46</sup>.

Чтобы рассчитывать на защиту племени (например, племени Дробняк) как коллектива и стать его полноправным членом, пришелец должен был переменить свою фамилию, принять племенное имя (Дробняк), праздновать Славу в день св. Георгия и иметь поручительство кого-либо из племени. Все это относилось и к зятю, поселившемуся в семье жены<sup>47</sup>. Это пример сознательной и проводившейся определенным способом ассимиляции и интеграции. И в племени Пипери небольшие братства принимали Славу и фамилии более крупных братств, и, благодаря этому

<sup>43</sup> М. Краснић, Ораховац — антропогеографска монографија варошице, «Гласник музеја Косово и Метохије», II, Приштина, 1957, стр. 117, 121.

<sup>44</sup> Ј. Цвијић, Основе за географију и геологију, стр. 1098.

<sup>45</sup> М. Филиповић, Етничке прилике нашег народа у Високом, Београд, 1928, стр. 114; его же, Састав и порекло становништва Лепенице, «Лепеница», Сарајево, 1963, стр. 227, 315; С. Вујадиновић, Нека запажања о постанку села Рачишћа на Корчули и пореклу његова становништва, «Гласник Српског географског друштва», 48/1, Београд, 1968, стр. 96—97, 100; П. Шобајић, Белопавлићи и Пјешивци. «Насеља и порекло становништва», XV, Београд, 1923, стр. 265—266.

<sup>46</sup> Ј. Ердељановић, Кучи-племе у Црној Гори, «Српски етнографски зборник», књ. 8, Београд, 1907, стр. 135.

<sup>47</sup> С. Томић, Дробњак, «Српски етнографски зборник», књ. 4, Београд, 1902, стр. 403—404.

«братанию», они становились сильнее. Так произошло с братствами, состоящими из коренного населения, которые со временем начали сливаться с более многочисленными и энергичными переселенцами<sup>48</sup>.

6

Когда речь идет о сохранении или изоляции каких-либо групп в чуждой им среде или о процессах ассимиляции с этой средой, нужно учитывать, что все эти вопросы очень сложны. Люди, живущие на одной и той же территории и в одинаковых условиях, обычно связаны многочисленными, хотя и невидимыми нитями. Они могут и не симпатизировать друг другу, но, соприкасаясь, постепенно перенимают друг у друга наиболее целесообразные в данных условиях орудия производства и навыки в труде, соответствующую терминологию и т. п. Относительно быстро перенимаются приветствия. Так, албанцы-католики в Метохии здороваются так, как это принято у мусульман<sup>49</sup>.

Случалось, что молодые люди, не столь отягощенные традициями, как старики, несмотря на запреты последних женились на девушках из другой этнической группы. А там, где заключались смешанные браки, естественно появлялось двуязычие целых семей или отдельных ее членов, один из супругов уступал в отношении своего родного языка. Известно, что в краях со смешанным населением люди, особенно дети, незаметно изучают два или больше языков. Среди влашского населения сел Северо-Восточной Сербии — типичной двуязычной группы населения — родным языком (и языком, которым пользуются в семье) для детей считается влашский — архаичный говор румынского языка со значительными славянизмами, а в школе они обучаются на сербохорватском языке. Хотя своим родным языком они считают влашский, в этническом и особенно в национальном отношении, они — сербы.

При смешанных браках, естественно, появляется не только двуязычие. В таких семьях взаимовлияние со временем проявляется и в других областях культуры — в одежде, пище, обычаях, верованиях и др. Быстрота заимствования чужих элементов иногда зависит и от предварительной психологической подготовки и предрасположения определенных групп населения.

Когда люди хотят, они могут сотрудничать друг с другом и они найдут соответствующие для этого формы. Так, в селах Баната со смешанным населением, когда люди разной национальности собирались вместе, они говорили на трех или четырех языках, но каждый говорил на чужом для него языке, — серб обращался к венгру на венгерском, венгр к сербу — на сербохорватском и т. д.<sup>50</sup>. Понятно, что это могло быть только в среде людей, которые хорошо говорили на языках своих соседей. В селе Ашани (Срем), где до войны жили сербы, немцы и словаки, в сельском трактире музыканты по очереди играли чардаш для словаков, вальс — для немцев и коло — для сербов. Когда в сремском селе сербка вышла замуж за словака, то мужчины в семье говорили с ней на сербохорватском языке, если она не знала словацкого. В Северо-Восточной Сербии с невесткой-влашкой в сербской семье говорили на влашском языке, если она не знала сербохорватского. Такая терпимость иногда приводила к неожиданным процессам — часто, например, случалось, что вследствие появления в доме жены-влашки вся сербская семья переходила на влашский язык.

<sup>48</sup> J. Ердельановић, Постанак племена Пипера, «Српски етнографски зборник», XVII, Београд, 1911, стр. 445, 463, 465, 475.

<sup>49</sup> М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 51.

<sup>50</sup> А. Лебл, Социјално-историјски аспект етничког плурализма у Војводини, «Етнологишки преглед», 4, Београд, 1962, стр. 25.

В прошлом отмечались и случаи религиозной терпимости мужчин, женившихся на женщинах иной национальности и религиозной принадлежности. Были случаи, когда албанцы-мусульмане женились на христианках (например, на сербках), которые (разумеется, если они этого хотели) не меняли свою религию. Такие явления были и среди болгар<sup>51</sup>.

Обычно женщины были более консервативны и привержены к традициям, чем мужчины. Так, в селе Сириничка Жупа (Горная Река), где еще в начале XX в. мужчины, помимо сербохорватского, говорили и на албанском языке и «чтобы меньше бросаться в глаза» носили албанский костюм, женщины знали только сербохорватский язык и носили только старинную сербскую одежду<sup>52</sup>.

7

Когда речь идет об интеграции какой-либо национальной группы с окружающей этнической средой, что нередко является весьма длительным процессом, следует выделить его отдельные фазы:

а) Обычно сначала перенимаются какие-то внешние черты, особенно в одежде. Как правило, первыми это делают мужчины, которые чаще соприкасаются с представителями другой группы (выше мы упоминали о населении Сириничкой Жупы, которое со временем переняло одежду и язык у албанцев, но сохранило православие и славянские обычаи)<sup>53</sup>.

б) Во второй фазе появляются смешанные браки и смешанные личные имена (например, христианские и мусульманские), хотя такие имена могут появиться и без смешанных браков. Так, албанцы-католики в Метохии дают детям и мусульманские имена<sup>54</sup>. В определенное время это был особый вид мимикрии. Местами же, только семейные имена (фамилии), часто сохраняющиеся по инерции и в наши дни, указывают на иное этническое происхождение предков их носителей. Мы уже упоминали об омадыренных словаках из Купусини, сохранивших словацкие фамилии.

в) Третья фаза — принятие чужих религиозных обрядов, хотя вначале оно могло быть лишь формальным. Прежде всего это делал глава дома, затем другие мужчины, и, наконец, женщины. Так, горане, уходя зимовать со скотом даже в Анатолию, иногда возвращались оттуда «потуреченными»<sup>55</sup>.

В прошлом в Сербии можно было часто встретить семьи, в которых мужчины были мусульмане, а женщины (и родители) — христиане<sup>56</sup>. Бывало, что родные братья исповедовали разную религию (как, например, в упоминавшейся нами ранее семье Месарош в Среме). Случалось, что человек исповедовал две религии, причем одну тайно (а значит и принадлежал к двум группам); таких людей албанцы называли «ляраман» (притворный)<sup>57</sup>.

г) Принятие внешних черт культуры и религиозных обрядов постепенно приводило и к заимствованию языка. Иногда это обуславливалось

<sup>51</sup> С. Бобчев, Државно право, II, «Сборник на българските юридически обичаи», София, 1908, стр. 107.

<sup>52</sup> Ј. Цвијић, Основе за географију и геологију, стр. 1101.

<sup>53</sup> Д. Недељковић, Указ. раб., стр. 85—86, 127; М. Филиповић, Етничке прилике у Јужној Србији, «Споменица 25 годишњице ослобођења Јужне Србије», Скопље, 1937, стр. 411.

<sup>54</sup> М. Барјактаровић, Двојерске шиптарске задруге у Метохији, «Зборник радова Етнографског Ин-та САН», I, Београд, 1950, стр. 199—200.

<sup>55</sup> Ј. Цвијић, Основе за географију и геологију, стр. 1098.

<sup>56</sup> Ј. Радонић, Римска курија и јужнословенске земље од XV до XIX века, Београд, 1950, стр. 100, 104, 276, 277; Ј. Трифуновски, Указ. раб., стр. 76.

<sup>57</sup> Ј. Хафивасиљевић, Муслимани наше крви у Јужној Србији, «Браство», XIX, Београд, 1925, стр. 91; А. Урошевић, Католичка жупа Црна Гора (Летничка жупа), «Гласник Скопског научног друштва», XIII, Скопље, 1934, стр. 169; М. Филиповић, Хас под Паштриком, стр. 38.

численностью, а следовательно и зависимостью одной группы от другой; там, где группы были компактны, они сохранили свой язык — так, например, было с упоминавшимися нами ранее горанами и торбешами, а также с боснийско-герцеговинскими мусульманами.

д) Завершающая фаза этнического или вернее национального интегрирования и отождествления и приспособления к новым условиям жизни — изменение сознания своей прежней национальной принадлежности<sup>58</sup>.

Процессы ассимиляции развивались примерно по такой схеме, но она не была единственной. Отдельные люди, попадавшие в иную среду, например, зятя, довольно быстро сливались с ней: прежде всего они изучали язык среды, а также перенимали традиции дома жены.

Из приведенных примеров следует, что главное — это приспособление к новым условиям. Но тогда встает вопрос — к каким конкретным условиям будут приспосабливаться горане сейчас, когда они объявили себя турками. Они не хотят быть ни сербами, ни македонцами, ни албанцами. Дело в том, что традиционно горане занимаются отхожими промыслами и часть их, будучи в Турции на промыслах, относительно хорошо там устроилась. Отсюда и желание окончательно переселиться в Турцию и считать себя турками. В данном случае не следует недооценивать и того, что раньше мусульман отождествляли с турками. Изменение сознания своей этнической принадлежности у некоторых лиц могло быть вызвано формальными причинами, например, в целях защиты слабого сильным — тогда прежде всего они входили в племя, на территории которого поселялись. Мы уже приводили пример с племенем Дробняк. Вот еще конкретный пример из жизни в наше время. Сербы Ивановичи (село Сува Река, Метохия), предки которых переселились сюда с верхнего течения Лимы, говорят, что они, как и их многочисленные и сильные соседи албанцы, выходцы из племени Мазрек<sup>59</sup>. В дальнейшем эти сербы, видимо, заимствуют у албанцев одежду, личные имена, язык, религию, и, в конце концов, они будут считать себя обычными албанцами. Возможно, их развитие пойдет и другим путем, все будет зависеть от конкретных исторических условий.

\* \* \*

Осознание людьми своей этнической (национальной) принадлежности, как и этническое самосознание в целом, меняется — иногда, как мы видели, довольно быстро, иногда — медленно, проходя через определенные фазы.

Во время господства турок на Балканском полуострове этническая и религиозная принадлежность в значительной мере отождествлялась. Вследствие этого нередко случалось, что, приняв ислам, новообращенные вскоре начинали считать себя турками и по происхождению. Население Боснии и Герцеговины, принявшее ислам во время господства турок, сейчас, как известно, объявляет себя отдельным и новым народом (мусульмане) с сербо-хорватским языком. Но мы должны учитывать, что боснийско-герцеговинским мусульманам (как и балканским мусульманам вообще) присуща не только «турецкая вера», но и значительное число элементов восточной культуры, а это часто забывают, когда говорят о мусульманах Боснии и Герцеговины.

Итак, на изменение осознания своей этнической принадлежности могут оказать влияние различные факторы — религия, язык, более многочисленные соседи или просто административное давление.

Длительность процессов ассимиляции также зависит от ряда обстоятельств: степени культурного развития и взаимодействия двух групп,

<sup>58</sup> J. Цвијић, Балканско полуострво и јужнословенске земље, 1, стр. 230.

<sup>59</sup> М. Краснић, Сува Река, стр. 95.

сходства их традиционной культуры, их численности, степени сопротивления ассимиляционным процессам, форм проникновения на ту или иную территорию, определенных выгод и т. д.

С уверенностью можно сказать, что в каждом конкретном случае имеется своя специфика и что нет единой схемы, применимой ко всем случаям интеграции или наоборот, сохранения какой-либо группы в определенной изоляции.

В Югославии значительная часть старшего поколения и сейчас еще обращает внимание на религиозную принадлежность как на составную, иногда определяющую часть своего этнического (национального) самосознания. Для некоторых лиц эти два фактора объединяются только по традиции. Молодежь менее религиозна (или вообще безрелигиозна) и менее обременена старыми традициями. Нередко для нее безразличны ее происхождение и национальность; она считает более важным другие ценности. В наше время люди все чаще путешествуют и соприкасаются друг с другом с помощью новых средств коммуникации, все чаще заключаются смешанные браки. Вследствие этого факторы этнической принадлежности становятся менее выраженными и менее значительными. Кроме того, в последнее время, особенно среди молодежи и тем более в смешанных семьях, распространяется новое, более широкое понимание национальной общности. Все чаще употребляется понятие «югословен», содержание которого в наши дни значительно шире и универсальнее, чем обычная этническая принадлежность.

Как свидетельствует анализ приведенных в статье материалов, проблемы этнического самоопределения очень сложны, особенно там, где имели место бурные исторические события.

Процессы консолидации и ассимиляции, обычно длительные, завершаются по-разному, в зависимости от обстоятельств. Эти процессы часто бывают противоречивыми. Так, случается, что в одной и той же группе одна ее часть идет по пути консолидации данной общности, другая — по пути слияния с другой группой. Иногда, как мы видели, члены одной и той же семьи (родные братья) относят себя к разным национальностям. Более того, иногда одно и то же лицо называет себя принадлежащим то к одной, то к другой национальности.

Итак, различные внешние (экономические, общественные, культурные) условия вызывают у отдельных лиц или групп разные представления о своей этнической принадлежности.

#### **TOWARDS THE PROBLEM OF CHANGES IN ETHNIC SELF-CONSCIOUSNESS (ON MATERIALS FROM YUGOSLAVIA)**

The author demonstrates on numerous examples taken from Yugoslavian history and contemporary life that various external circumstances (economic, social, cultural) lead to particular persons or groups adopting different concepts of their ethnic identity.

---